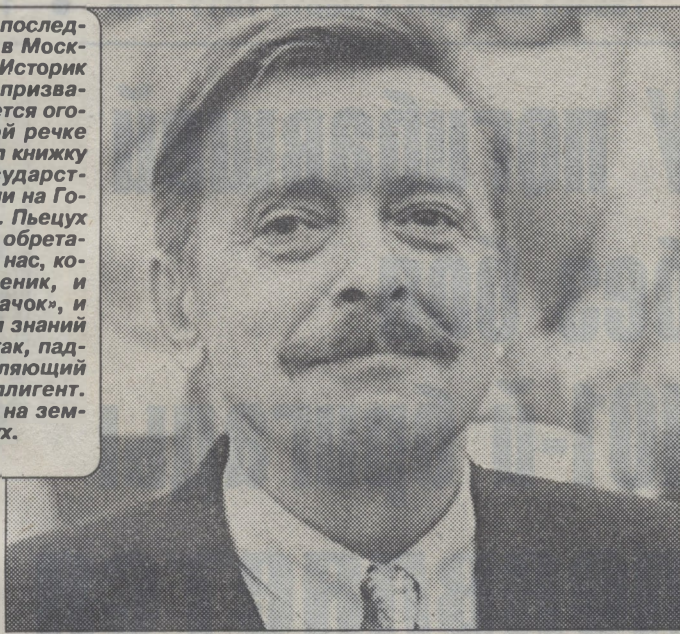


ИЗВЕСТИЯ - 1997 - 15 мая - е.д.

Писатель Пьецух сажает картошку, стрижет газон и ждет госпремию

Писатель Вячеслав Пьецух в последние годы живет на два дома — в Москве и в тверской деревне Устье. Историк по образованию и иронист по призванию не только успешно занимается огородом и ловит раков в местной речке вплоть до октября, но и написал книжку с новым для себя героем. «Государственное дитя» недавно выдвинули на Государственную премию России. Пьецух поверил в человека, потихоньку обретающего чувство хозяина. Народ у нас, конечно, всякий — и бессребреник, и «батьку родного выдаст за пятачок», и европеец, обогнавший по части знаний настоящего европейца, и простака, падкий на сладкое слово, и удивляющий своей жизнестойкостью интеллигент. «Много русских народов живет на земле русской», — считает В. Пьецух.



— Вячеслав Алексеевич, вы — человек сугубо городской, а, оказавшись вдали от столицы, в глухой тверской деревне, вдруг привязались к селу и ее людям. В чем причина такого поворота в жизни?

— Может быть, сказываются гены — ведь я по обеим родительским линиям крестьянский сын.

— Когда-то писателей деревенщиков беспокоил скрытый конфликт города и деревни. Существует ли он до сих пор, если учесть, что деревни вымирают, а мужики спиваются?

— Я очень сомневаюсь в том, что деревня умирает. Стариков почти нет — вот в чем дело. В России, напомню, средний возраст среди деревенских жителей — 47 лет, среди городских — 58 лет. Так вот молодежи полно и в соседнем колхозе «Путь Ильича», особенно когда там проводится ночная дискотека, и в нашем колхозе «Сознательный». (Я никогда не использовал это название в литературе, скажут — придумал). Колхоз «Сознательный» существует с 20-х годов, и причем неплохо. В то время как в России стало нормой собирать 12—13 центнеров с гектара, крестьяне нашего колхоза собирают почти канадский урожай — 25—28 центнеров. Держатся и деревни. К примеру, в нашей деревне Устье 22 двора, в соседней — Саблино — дворов 10—12. И все заняты трудом: копают в огороде, строят, пашут, косят. Так что слухи о гибели деревни, равно как и о повальном алкоголизме, явно преувеличены. В колхозах платят мало, пить не на что.

— А самогон?

— Да не гонят самогон, сахар стоит так дорого, что дешевле купить бутылку. А спившихся людей — человек пять на всю округу. Опустившиеся люди становятся побирушками, которые зимой грабят дачи городских. Увы, воровство — явление, нередкое в России, но видеть в таких случаях некий конфликт города и деревни как минимум неуместно.

— Это правда, что природа вдохновляет по-особому?

— Не знаю, до кризиса еще не дожил. И даже не скажу, что чувствую себя физически лучше, хотя вода у нас ключевая, со значительным содержанием серебра. Наша деревня — глухомань, ближайшая труба дышит в 25 километрах на карьере, где щебень дробят. У нас водятся майские жуки, а сам я в сентябре ловлю раков в Держе, причем не надо в норы залезать, под камнями копаться. Сажаю картошку, воспитываю газон. У меня в усадьбе есть очаровательная полянка между яблоней и калиной, и раз в неделю ее полагаются выкашивать. Я добычу своего, и у меня будет настоящий кембриджский газон. Ближе к вечеру мы выносим в сад стол и кресла, выпиваем, поем с друзьями под гитару или устраиваем литературные чтения.

— Не жизнь, а рай земной... Вы много размышляете о русском человеке. Кажется, что его природа не знает границ — и рубашку последнюю отдаст, и нахамит запросто, да еще с удовольствием над шутящимся человеком, и приспособится к самым нечеловеческим условиям. Запад называет наш народ непредсказуемым. Мы будем и впредь удивлять мир рассказами про «таинственную душу»?

— Я думаю, есть много русских народов. Вот мы с вами — это один народ со всем тем, что всякому народу присуще, — от иерархии ценностей до языка. Как говорим мы, не говорят ли новые русские, ни крестьяне, ни промышленный пролетариат, ни уголовники. Все перечисленные мною категории — это отдельные нации, которые на суверенных правах входят в понятие «великорусский народ».

Во-вторых, все наши прекрасные черты и все наши гнусные недостатки — это, скорее всего, константные величины. Они, как говорили писатели-деревенщики, неизбывны и вечны.

Это вряд ли хорошо, потому что не обеспечивает никакого движения к лучшему. И постепенно утрачивается уважение к соотечественнику. Русский — это прежде всего человек несамостоятельный. Его очень легко покорить, и академик Иван Павлов, открывенно не любивший свой народ, писал страшные вещи: «У русского до такой степени развита вторая сигнальная система, что объективная реальность для него ничто. Слово для него все». Действительно, русский исповедует слово — это хорошо и ужасно одновременно. Например, большевистская вера покорила русский народ. Людей, которые противостояли большевикам, не разделяли их идеологии, было ничтожное меньшинство. Разве и сегодня часть наших сограждан не мечтает о равенстве, не верит в светлое коммуналное завтра?

А вот факт, который также нельзя обойти: в течение двухсот

лет цвет русской нации говорил по-французски, стесняясь своего природного языка. Это не только оскорбительно, но и нелепо, как если бы, допустим, при дворе Людовика XIV говорили по-китайски. Для нас любовь к иноземным словам — явление абсолютно нормальное, как дождь со снегом в ноябре. Начиная с петровских времен, когда треть словаря состояла из немецких и голландских слов, до нынешнего дня, когда появились промоушн, консенсус и о'кей, которым заканчиваются деловые разговоры. Все государи, вплоть до последнего — Иосифа Сталина, люди пришлые. А кто контролирует московские рынки? Кавказцы. Мыслимо ли, чтобы в Грозном или в Тбилиси русские контролировали торговые точки? Это мыслимо только в России. Мы несамостоятельны, мы как дети, и это, быть может, наша принципиальнейшая черта.

— Если верить опросам, которые проводят различные фонды общественного мнения, то рейтинг большевиков ничуть не снижается. Вы полагаете, коммунистическая идея близка русской ментальности?

— Более того, по некоторым данным, их рейтинг в ноябре даже вырос. Я нахожусь в недоумении. Неужели надо быть Гегелем, чтобы понять простую вещь? Большевик — абсолютно бесперспективное политическое течение. Если большевик делает ставку на дурака — обязательно, на слабока — обязательно, значит, равенство уже невозможно. Если для него идейный классовый враг — это талант и неординарность, то куда мы покатымся? Большевик прекрасно понимает, куда покатытся общество при таких условиях, и видит единственный выход в жесточайшей диктатуре. Не исключено, что на будущих президентских выборах победят коммунисты. Похоже, Россия не только не выпила свою чашу, у нее еще все впереди.

Понимая претензии оппозиции к новому режиму, могу даже добавить еще одно преимущество прежней власти. При том, противоестественном государственном устройстве иерархия ценностей была точной. И адекватной понятию «культура». Кем являлся писатель в нашей стране до 1984 года? Да второй человек после святого канонизированного. А кто такой был вор? Непорядочный субъект, с которым нельзя здороваться. Сейчас почти наоборот. Увы, у русской жизни выбор очень узкий — от просто плохо до очень плохо. Но этой власти многое я прощаю с чистой совестью только за то, что теперь надо мной нет командира, кроме Господа Бога.

— Вас устраивает нынешняя жизнь. А ведь именно она выявила неожиданный тип — нового русского. Зная ваше чувство юмора и внимание к колоритным характерам, справедливо было бы ожидать его появления в вашей прозе.

— В рассказах «Киллер Миллер» и «Из жизни замечательных людей» у меня встречаются персонажи такого рода, но для меня они скорее марионетки. Лично мне этот образ неинтересен, но если появится в России хороший писатель с прозой о новых русских, то это будет наш Бальзак.

Конечно, русский нуворш — характер колоритный и сложный. И, кстати, он не такое уж новое явление в нашей жизни. Достаточно назвать Савву Морозова, который оплачивал революцию и покончил с собой в Ницце. Я был в Ницце, и в таком роскошном городе свести счеты с жизнью — моему уму непостижимо. Но и сегодня есть предприниматели, открыто поддерживающие коммунистическое движение. Так что рассказам про «таинственную русскую душу», кажется, не будет конца.

— Несмотря на ошибки реформаторов, компроматы в политике, бюджетные неплатежи, мы создаем нормальную экономику и становимся обществом потребления. Большинство русских людей стремится к новому качеству жизни, а значит, осознанно или нет, выбирает западный путь. А вы, как явствует из повести «Ночные бдения с Иоганном Вольфгангом Гете» не считаете, что русский человек — европеец?

— Русский человек, конечно же, не европеец. По многим показателям. Москва в части Старого Арбата — самый европейский город в Европе. Если иерархия моих ценностей начинается с России, то тут я совпадаю с немцем, которому также милее родная сторона. Но если второй пункт для меня — духовная культура, то у немца — карман. Кто из нас больше европеец — я или немец? Наверное, я. И в этом

смысле я не европеец, потому что слишком европеец.

А в «Ночных бдениях...» речь шла о другом. По предсказаниям астрофизиков, через шесть миллиардов лет Земля, поглощенная Солнцем, погибнет. Так вот процесс, как говорил мой любимый Михаил Сергеевич, уже пошел.

Я взял на себя смелость утверждать, что мировая культура, во многом выполнив свое предназначение, отмирает. Она внедрила в генетический код человека элементарные категории: приоритет чтения, образования, христианских заповедей, уважения к женщине. Разумеется, я говорю о продвинутой части человечества, для остальных «культура» — понятие марсианское. Процесс ее ухода на периферию современной жизни происходит во всем мире, и Россия не станет исключением. Мы видим, тиражи книг и толстых журналов ничтожны. На выставках, кроме бомонда в день вернисажа, и бабушек, которые потом охраняют в сущности пустые залы, никто не бывает. А кризис ответственного кинематографа несравним с положением ни в одной отрасли культуры.

— Вы как-то говорили, что в России есть две неизбывные ценности — это интеллигент и женщина. Недавно писатель Д.Гранин в газете «Известия», по сути, простился с интеллигенцией, часть которой либо осела за границей, либо, оставшись дома, не нашла себя в новых условиях. Как вы полагаете, вторая революция в XX веке окончательно сметет или, скажем мягче, размоет эту прослойку?

— Русская интеллигентность неистребима. Мировой культурный опыт сформировал уникальное явление, аналога ему нет ни в каком другом народе, ни в какой исторической эпохе. Если довериться научной гипотезе и шесть миллиардов лет планета будет еще жить, то и русский интеллигент все это время будет существовать. При всех своих слабостях эти люди очень жизнестойки.

— Интеллигенция может войти в политическую или финансовую элиту?

— Ни в коем случае. Интеллигент и политика, как гений и злодейство, — вещи несовместные. Равно как она не станет заниматься воровством и убийствами по заказу. Интеллигенции нужно, чтобы ее оставили в покое. Она будет жить своей духовной жизнью.

— Если она утрачивает роль в обществе, то о чем она станет раздумывать?

— Русская жизнь — это сплошной переходный период. Если не раз в новейшей истории слои нашего общества поменяются местами. Самое важное для нас — понимать, что мы неистребимы.

— Как вы считаете, отношение к религии сегодня изменилось и каково ее место в будущем?

— Все сегодняшние потуги отмечать православные праздники с государственным размахом выглядят нелепо и наивно. Я не берусь оценивать, насколько серьезны для современников их попытки обретения веры — для каждого из нас это слишком интимный и нелегкий путь. Одно могу утверждать — в России деньги никогда не станут кумиром. Мы слишком неорганизованная нация, чтобы превыше всего почитать банкноты. Нам в жизни важнее идеал да идея, а совпадут ли они с православием — покажет будущее.

— Национальное долготерпение — это недостаток или достоинство?

— Дар Божий, который спасал и будет спасать нас. Не самый известный, но неплохо думающий писатель минувшего века Николай Иванович Греч когда-то сказал: «Всякий умный человек должен отнестись к государству следующим образом. Государство строит для меня дороги, держит армию, которая обороняет меня от внешнего врага, следит за тем, чтобы доходили мои письма. А от меня только требует — сиди тихо. Я и сижу».

— В своих эссе вы укоряете некоторых русских писателей XIX века за то, что они с возрастом впадали в менторский тон и вообще любили порассуждать. Но и вы, как я вижу, не лишены желания пофилософствовать?

— Вся литература — лишь попытки объяснить жизнь. Тем прекрасна словесность, что нет завершения. Хоть я и уверяю, что культура близится к закату, все равно она, правда в новых формах, будет существовать. Потому что «жизнь коротка, а искусство вечно».

Наталья СЕЛИВАНОВА.

924